

У детей, страдавших ДЦП, значительно улучшилась моторика. Так, один из пациентов научился удерживать, а затем и направленно бросать мяч в воду.

По результатам цветового теста Люшера можно сделать следующие выводы. Почти у всех испытуемых прослеживалась тенденция к повышению уровня телесного комфорта. В ряде отдельных случаев, однако, ощущение физического благополучия резко падало, что может свидетельствовать об усталости. Кроме того, в ходе сеанса снижалось возбуждение, дети успокаивались.

По результатам электроэнцефалографического обследования положительной динамики не отмечалось. У двух детей с сенсорными наруше-

ниями (тугоухость) улучшения по основному заболеванию не наблюдалось.

Наша работа показала, что дельфинотерапия – действенный метод реабилитации детей с тяжелыми органическими заболеваниями центральной нервной системы, который приводит к значительному повышению функциональных возможностей больного ребенка и улучшению его адаптации в обществе. К сожалению, наши технические возможности были ограничены, но предварительные результаты говорят о том, что дельфинотерапия в полном объеме, с погружением детей в воду и играми с дельфинами в водной среде, может привести к значительно более стойкому и выраженному эффекту, поэтому надо продолжать работу в этом направлении.

PSYCHOLOGICAL EFFECTS OF DELPHININE THERAPY

O. R. Arnold*, E. L. Butova**

* *Cand. sci. (psychology), consultant, Institute of personality development*

** *Doctor, small enterprise "Utrishsky dolphinarium", Moscow*

The delphinine therapy is a relatively new approach in alternative medicine and psychotherapy which is mostly effective in children suffered from cerebral palsy, Down syndrome and autism. The review of foreign researches on delphinine therapy is made and results of the authors work in the "Utrishsky dolphinarium" (Moscow) are presented.

Key words: delphinine therapy, psychotherapy, Luscher Farbwahl Test.

ДИСКУССИИ

**НУЖНА ЛИ СМЕНА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ
В ПСИХОЛОГИИ**

(по поводу статьи А.В. Юревича)

© 2001 г. В. И. Моросанова

Доктор психол. наук, профессор, Психологический институт РАО, Москва

В статье А.В. Юревича дана картина сегодняшнего состояния психологической науки, основными симптомами которого, по мнению автора, является обособление исследовательской и практической психологии, возникновение новых психологических дисциплин, таких, как гуманитарная психология и психология христианства, а также возникшее и усиливающееся влияние на общественную жизнь различных форм парапсихологии. Но можно ли вслед за автором оценить это состояние как кризисное? На мой взгляд, к этому нет серьезных оснований и, более того, — можно и нужно говорить о психологическом буме в России и его влиянии на развитие отечественной психологии. Так, никогда еще в нашей стране не было такого большого количества учебных, практических и исследовательских психологических учреждений — только в Москве в настоящее время насчитывается около сорока психологических специализаций в высших учебных заведениях. Никогда еще на прилавках книжных магазинов не было такого обилия и разнообразия психологической литературы. Профессия психолога за последние годы стала одной из самых престижных и массовых, и это несмотря на катастрофически низкое бюджетное финансирование науки и образования. То, что автор называет кризисом рациональности в обществе и психологии, является состоянием необычным и новым именно для российской действительности. А по сути, это всего лишь бурное и противоречивое, на фоне смены общественной формации и резкого снятия методологических запретов, формирование типичной для мировой психологии структуры. Я хорошо помню, как еще в 60-х гг. мой учитель Д.А. Ошанин, доктор Сорбонны, рассказывал, что психологические фундаментальные исследования в Европе — прерогатива преимущественно университетской науки, а практическая психология существует параллельно и развивается относительно независимо в связи с социальными заказами, т.е. обособление практической, только складывающейся у нас отрасли, и собственно исследовательской психологии — следствие естественной дифференциации психологических дисциплин. Кроме того, в западном обществе всегда

было и есть место и оккультным, и парапсихологическим наукам, — в ответ на иррациональные настроения, всегда существующие и время от времени нарастающие по разным причинам, в основном, также как и у нас, в периоды экономической или политической нестабильности.

Другой вопрос, что быстрое и бурное развитие интереса к психологии имеет свои издержки в нашей стране. Так, качество подготовки психологов во вновь создаваемых центрах часто оставляет желать лучшего. Бурное тиражирование в печати психологического инструментария нередко приводит к его использованию непрофессионалами, зачастую в практическом консультировании применяются исследовательские методики, что, соответственно, приводит к снижению качества, дискредитации возможностей психологической диагностики и помощи. Я бы сказала, что нужно сетовать не на отделение практической психологии от исследовательской, как это делает Юревич, а на то, что в настоящее время у массового психолога зачастую нет ясного понимания необходимости разделения исследовательской и практической психологии, каждая из которых имеет свою специфику, соответственно решаемым задачам и используемым методам.

Другое болезненное следствие психологического бума заключается в следующем. Столь долгожданное снятие методологических запретов в исследовательской психологии привело к массовому увлечению теоретическими исследованиями, которые нередко подменяются теоретизированием, при котором и наука подменяется разговорами о ней. Я боюсь, что декларируемая Юревичем “усталость от позитивизма” льет воду на мельницу не столь необходимого нам методологического либерализма и даже не опасного методологического анархизма, а довольно вульгарного психологического непрофессионализма. По существу, из фактов массового непрофессионального использования исследований, непонимания методов научного планирования исследований, обработки и анализа их результатов, в том числе корреляционного анализа, столь нелюбимого Юревичем, и других более современных математических методов, делается вывод не

о необходимости повышения психологической культуры, а о необходимости смены научных парадигм; декларируется усталость от академической психологии, что, к сожалению, может восприниматься как призыв к свертыванию и так обескровленным недофинансированием экспериментальных и эмпирических исследований, которые во все времена и во всех странах только и могут быть основой фундаментальной научной психологии.

И, наконец, о главном тезисе Юревича, согласно которому психология находится между Сциллой позитивизма и Харибдой феноменализма, и ее спасение – в смене методологических парадигм. Если позитивизмом, как мы разобрались выше, автор называет традиционные эмпирические исследования, то с понятием феноменализма все обстоит сложнее. Не знаю насколько удачен сам этот термин, но та проблема, которой он обозначен, реально существует в методологии психологии и заслуживает чрезвычайно серьезного рассмотрения. Суть этой проблемы в следующем: в какой мере предметом сегодняшней психологии являются психологические феномены как продукты психологического отражения, а в какой – порождающие это отражение процессы, и можно ли по продуктам отражения исследовать процессы их порождения. Автор, описывая парадигмы феноменализма, по существу подошел со своих позиций к пониманию необходимости создания трансцендентальной психологии, занимающейся порождающими процессами отражения, как ее назвал основоположник этой новой области психологии А.И. Миракян, руководивший до 1995 г. лабораторией моделирования психических про-

цессов ПИ РАО и разработавший эту проблему более двадцати лет. К сожалению, Миракян рано ушел от нас и заложил лишь основные принципы новой психологической парадигмы, названной им антифизикалистской. Но для предмета нашей дискуссии важно подчеркнуть, что он не был так категоричен, как Юревич, и считал, что новые психологические парадигмы откроют новую неизученную область порождающих процессов отражения, притом что и субъектная реальность его психологических феноменов будет продолжать оставаться предметом научных исследований. И, более того, Миракян никогда не отрицал возможностей исследования трансцендентальных процессов с помощью экспериментальных и количественных методов при условии преодоления ограничения феноменализма в выдвижении гипотез, планирования исследования и выбора методов анализа его результатов.

Итак, нужна ли смена методологических парадигм в психологии? На мой взгляд, именно сосуществование нескольких парадигм в психологии, представленных различными ее школами и направлениями, только и могут на данном этапе развития психологии обеспечить системное исследование психологической реальности. И будущее психологии – это преодоление противостояния различных ее направлений, использование в конкретных эмпирических и теоретических исследованиях всего накопленного позитивного багажа разработанных подходов и методов при ясном понимании их возможностей и ограничений соответственно предмету, задачам и целям исследования.

ПОЗИТИВИЗМ УМЕР, ДА ЗДРАВСТВУЕТ...?

© 2001 г. Т. Д. Марцинковская

Доктор психол. наук, зав. лабораторией ПИ РАО

Статья А.В. Юревича удивительно своевременна и актуальна, так как разговор о современном состоянии методологии психологической науки уже давно назрел и имплицитно входит в большинство современных дискуссий о путях развития как теоретической, так и практической психологии.

Разочарование в объективной психологии, которое проявляется во многих устных и печатных выступлениях психологов, даже само нежелание организовать методологический семинар или “круглый стол” (не нужно, устали и т.д.) во многом справедливо, однако разочарование в естественнонаучной психологии еще не значит, что она должна обходиться без методологии как таковой. Этот путь приведет к деградации психологии как науки, к тому, что вскоре уже не останется видимой грани между научной и житейской психологией, колдунами и священниками. Фундаментальная наука, в том числе и психология, не может обойтись без методологической рефлексии, не должна оставаться в границах чистой эмпирики, даже не пытаясь объяснить полученные факты. В противном случае на ее месте разрастается сакральная псевдонаука, которая оперирует не фактами, но установками, основанными на разнообразных верованиях, в том числе и религиозных (например, христианская психология), либо прикладные работы, разнообразные тренинги, методы диагностики и терапии, что функционально приближает психологические воздействия к действиям колдунов и экстрасенсов, возвращая психологию к средневековому состоянию. Еще одной ипостасью прикладной психологии становится образование, разработка учебных пособий и курсов. Однако ни терапия, ни обучение не развиваются сами по себе без опоры на фундаментальную науку, задыхаются без новых теорий и современных данных, адекватных новым социальным условиям.

Конечно, легче всего было бы списать нынешнее состояние отечественной психологии на социальную ситуацию, действительно не способствующую развитию фундаментальных наук. Однако работа отдельных лабораторий и институтов, в которых продолжают теоретические исследования (тем более, что психологические эксперименты, как правило, не требуют столь дорогостоя-

щего оборудования как в физике и биологии), опровергает это предположение. Не соответствует ему и положение в мировой психологии, также переживающей, по меткому замечанию Юревича, “усталость от позитивизма”. Да и влияние социальной ситуации никогда не бывает столь однозначным и прямым, чтобы привести к глобальному методологическому кризису.

О том, что методологические проблемы психологии связаны с ее собственной логикой развития, говорит и сопоставление современной ситуации с той, что сложилась в начале XX века, когда требования, постулируемые практически всеми учеными того времени, сводились к построению позитивной психологии, перестройке классической науки на основе новой методологии и поиску нового, объективного метода исследования психики. Похожую ситуацию испытывает и современная психология, хотя сегодня сложилась обратная ситуация – необходимость модификации естественнонаучной, позитивной психологии, которая не в состоянии решить всех проблем, встающих перед ней.

Интересен тот факт, что сходное положение наблюдалось в российской науке на рубеже XIX–XX вв. Уже тогда прозвучал первый сигнал о том, что объективная психология не в состоянии ответить на многие вопросы, связанные с духовной жизнью людей, их потребностью в творчестве, самореализации, умением преодолеть давление среды и т.д. Именно в этот период возникает духовная философия В. Соловьева, отразившаяся и во многих психологических концепциях того времени (Лопатина, Франка, Лосского и других).

Опасность ориентации исключительно на позитивизм видели не только отечественные исследователи, хотя в России того времени критика позитивизма была особенно активной, что возможно связано и с отмеченной Юревичем «“иррационализацией” общественной жизни», свойственной российской действительности во все времена. Известный немецкий ученый Э. Гуссерль также писал о том, что и социология, и психология имеют дело не только с естественной, но и искусственной средой, причем сама социальная действительность есть продукт нашего знания о ней. Поэтому тра-